

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ ХАКАСИИ

*Хакасиянын чаацы
писательлери*

Воины-писатели Хакасии

Старыгин Александр Ксенофонович (1920–1994)

А.К. Старыгин родился в Алтайском крае. Великую Отечественную войну прошёл, начиная с 1942 г. во втором дивизионе 274 гаубичного артиллерийского полка, сформированный в разгаре пламенных побед под Сталинградом. Победу Александр Ксенофонович встретил в Австрии, но путь к ней был длинным и очень тяжёлым. Он прошёл всю Украину,

Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию. На протяжении всего этого пути А.К. Старыгин вёл фронтовые тетради, где были сделаны записи как в прозе, так и в стихах. Читая дневники военных лет А.К. Старыгина, нельзя не содрогнуться, не ужаснуться тем страшным дням. Ведь это не мемуары, написанные десятки лет спустя, это строки, написанные «кровью» солдата, которая от увиденного, пережитого, переосмысленного ещё сочилась из ран сердца, души и ума.

Ордена Красной Звезды, Отечественной войны и медали, потемневшие сейчас от времени, говорят о том, что вручали их солдату на поле боя.

Обладая поэтическим даром, даром уметь видеть, Александр Старыгин посвятил войне, товарищам не один десяток стихов, которые печатались на фронтовых газетах, а в мирное время читатели могли познакомиться с ними на страницах «Советской Хакасии», «Енисейского геолога», «Красноярского комсомольца»

Война

– Война! – сказал диктатор прусский
Среди соратников своих, –
Мои границы слишком узки,
И я решил раздвинуть их.

– Война! – он взял Европы карту,
Вокруг обвёл карандашом
И в диком яростном азарте
Воскликнул: – Всё! Вопрос решён!

Иду войной, иду в походы,
Мой путь воинственно далёк.
Я завоюю все народы,
И юг, и запад, и восток.

Я буду Цезарем, Атиллой,
Я Ганнибалом быть хочу.
Я Чингисхана грозной силой
Располагаю, не шучу.

Я слышу древних грозный топот
И отдаю почтенье им.
Пусть трепещет вся Европа
Перед могуществом моим.

Я горный дух великих мира
В одном себе объединю.
В пространствах вод, земли, эфира
Я власть свою распространю.

Мне все народы покорятся,
И я с дороги не сверну,
А кто начнёт сопротивляться –
Машиной-техникой сомну.

Я подчинил себе австрийцев
Дипломатическим путём.
Смирю оружием бельгийцев,
Датчан и греков, а потом

Белград и Осло, и Варшава
Ко мне по праву перейдут.
Войду во Францию со славой,
Мои войска сигнала ждут.

Преграды, крепости любые
Я на пути своём сотру!
Но там... там есть ещё Россия...
Россию тоже приберу.

Распространенье большевизма
Пресечь огнём я поспешу.

Очаг заразный коммунизма
Я с корнем вырву, задушу.

Вперёд! Дойду до Сталинграда,
Возьму Москву! Какая ширь!
А эту страшную Сибирь
Пока оставляю для Микадо.

Славянский мир, тупой и дикий,
Как смеет он Москву иметь?
Лишь я единственный, великий
Имею право всем владеть.

Клянусь я прадедом и дедом
И головой своей клянусь!
И вот, привыкший к победам,
Он двинул полчища на Русь.

Да, было время, им давались
Победы всё-таки легко,
И вражьи полчища врывались
В поля России глубоко.

Земля родимая стонала,
Дрались насмерть, не на живот,
У Волги дело принимало
Весьма смертельный оборот.

Пружина русских изгибалась,
Кольцом сжималась и вилась,
Всё для удара натянулось,
И вот однажды сорвалось.

Теперь судите как угодно,
Что сделал Паульса промах –
Так низко и неблагородно
Он потерпел полнейший крах.

Со всем могуществом и славой
Была тогда окружена
И приняла закат кровавый
Шестая армия сполна.

Там сила чёрная на силу
Под Сталинградом набрела.
И Сталинград стал ей могилой,
И поражением – Москва.

И фюрер пополнял запасы
Тотально, где лишь только мог.
Но представитель «высшей рассы»
Забыл истории урок –

Дела в истории бывали
Ещё, однако, и тогда,

Когда прусских русские бивали
Везде и всюду и всегда.

И та суворовская слава
В веках померкнуть не могла,
Она до наших дней дошла
И с новой силой прозвучала.

А гордость русского солдата
Неуязвима никогда,
Его к победе воля свята
Сейчас и в прошлом и всегда.

Трудолюбивый от природы,
Со всеми хочет мирно жить,
Но кровью купленной свободной
Умеет русский дорожить.

Победы Гитлера иссякли,
Конец немецким торжествам,
И вражьи полчища размякли,
Трещит их техника по швам.

Дела теперь у них такие:
Победой больше не блеснуть,
Настало время для России
Отважным воинством тряхнуть!

Тряхнули: немцы в беспорядке,
Забыв приличие и понт,
Бегут от русских без оглядки,
Бегут, «выравнивая» фронт.

Как от чумы, как от проказы
Бегут до новых рубежей.
Бегут с Донбасса и Кавказа,
Бегут с украинских степей.

И непрерывно канонада
Гремит, как мощный водопад.
Уже разорвана блокада –
Не сдался гордый Ленинград!

Смоленск – вот этой же дорогой
Когда-то шёл Наполеон...
История хранила много
Довольно памятных имён.

Бывали шведы под Полтавой,
Поляки шли, и турки шли.
Но все, увенчанные славой,
Могилу там себе нашли.

Судило время очень строго
России исконных врагов,
Когда-то Фридриха второго
Разбил фельдмаршал Салтыков.

Привыкли издавна считаться
Две гордые столицы,
Ключи Берлинские хранятся
До сих пор ещё в Москве.

Дела Адольфа стали хуже
Дела к трагедии ведут –
Границы снова стали уже,
Со всех концов арийцев жмут.

И он пока, сидя в Берлине,
Пером Европу «покорял»,
Его союзник Муссолини
Себя навечно потерял.

За окруженьем – окруженье,
Куда ни глянь – «котёл»-провал,
И партизанское движение
Перелилось в могучий вал.

И Роммель, в Африке разбитый,
Бежал, превозмогая боль.
Балканы поднял маршал Тито,
И смело выступил де Голль.

А по решению Тегерана
К единой цели подошли.
И три могучих ветерана
На штурмы силы повели.

Всё ближе слышатся раскаты
Орудий всех союзных сил.
Наступит скоро час расплаты,
И все, кому он «насолил».

Из-под неволи многодневной,
Чьё было горькое житьё,
Все-все поднимут голос гневный,
По праву требуя своё.

Уже кружится над Берлином
Народов яростная месть.
За кровь, пролитую безвинно,
И за поруганную честь.

Однажды под Чачаком

Пехоты нет, одни артиллеристы
Держали оборону рубежа.
Разведчики, комбаты и связисты,
Все были там, наперевес держа.

Винтовки, автоматы, карабины,
И с нами подполковник Коноплёв.
Он грозен был! Пригнув пониже спину
На всякий случай был готов.

А немцы жмут! А немцы нажимают!
Вернуть хотят потерянное вновь.
И что ж, на фронте всякое бывает:
Разрывы, стоны, смерть и кровь...

Трещат зловеще дробы автомата
И слева, и с боков, и впрямь, и вкось.
И, как известно, что без мата
У Коноплёва тут не обошлось.

И поняли тогда, что дело тут хреново,
Что нам теперь пора бы отойти...

– Куда? – раздался голос Коноплёва.

– Назад ни шагу, мать вашу ети!

Минуты на счету, себя позабывая,
Когда судьба и жизнь на ниточке висит,
Он грозен был, как туча грозовая,
Попробуй возразить – убьет, не пощадит.

– Да если только кто из вас посмеет
Хоть шаг назад... Не допустить врага!

Комбаты! Вызывайте батареи.

Буссоль!.. Пошёл... Минута дорога!

Огня давайте! Требуйте, спешите,

Ещё не перерезаны пути.

Что? Связи нет? Да что же вы сидите?!

Бегом по связи, мать вашу ети!

1942 г.

Друзья, как не хочется мне умирать!

– Прощайте, друзья, мои раны горят,
Не выживу, силы слабеют. –
Он бросил последний, слабеющий взгляд,
Где даль горизонта слабеет.

О радость весны! Соловьи и цветы,
И солнце лучами играя,
А я, ох! Прощайте надежды, мечты,
Как хочется жить, умирая!

Австрийские Альпы – хребты и леса,
О как далеко ты, Россия!
Там девушка ждет, и такая коса,
И глаза у нее голубые.

Там где-то живет престарелая мать,
Всё сына порой поджидая.
Друзья! Как не хочется мне умирать.
Как хочется жить, умирая!

В ночь на 9 Мая

Рано утром 8 мая 1945 года последний раз отгремела артиллерийская канонада, сотрясая австрийские Альпы. В воздухе и на земле ревели яростно моторы, сливаясь в единый протяжный гул. Артиллеристы нашего 274-го гаубичного Нижнеднепровского ордена Богдана Хмельницкого и Александра Невского полка работали дружно, расчётливо. Каждый знал своё дело, команда подавалась только знаками.

Этот день, 8-е мая, останется в памяти у всех, кто был свидетелем и участником последнего дня войны. К полудню артиллерия стала затихать. Постепенно рассеялся чёрный дым. Но, к нашему немалому удивлению, пехота – царица полей не поднялась и не ринулась вперёд по расчищенному ей пути. Установилась абсолютная тишина. И фрицы также не отвечали ни единым выстрелом. Солдаты стали выходить из окопов и траншей. Так прошёл остаток 8-го мая в каком-то тревожном ожидании.

Мимо нашей шестой батареи в сопровождении офицеров-комбатов шёл

командир артполка полковник Коноплёв. Солдаты, увидев его, подтянулись.

– Ну как дела, орлы? – улыбаясь, спросил он своих артиллеристов.

– Хорошо, товарищ полковник, только почему мы не идём в наступление? – сказали сразу враз несколько солдат.

– Терпение, родные, скоро пойдём, – как-то тепло и чуть загадочно ответил Коноплёв. Он отдал приказ представить к награждению отличившихся артиллеристов и со взводом управления направился на наблюдательный пункт шестой батареи.

Ласковое солнце закатилось за высокие австрийские снежные вершины. А в зелёные долины, пахнущие цветами и порохом, спустилась прохлада.

Неугомонный солдатский гомон, острые шутки, заразительный смех, звуки баяна и протяжные русские песни о далёкой Родине, о любимой девушке – всё слилось в единую гармонию, переливалось, затихало и снова усиливалось. Но вот где-то далеко-далеко сначала тихо, затем всё сильнее, всё явственней прокатилось знакомое русское: «Ура!». Вдруг

откуда-то из темноты прибежал запыхавшийся телефонист Володя Евсюков с сияющим лицом.

– Война закончилась! – захлёбываясь от восторга, крикнул он артиллеристам шестой батареи.

– Ура! – гаркнула дружно наша батарея, и десятки голосов слились и потонули в общем едином море торжества. Что тут было! Какой мерой можно измерить нашу радость, наши чувства? Никакими словами не выразить. Солдаты и офицеры, без различия рангов, бросались друг к другу в объятия, горячо целовались, и по их загорелым лицам, незаметно для себя, катились и катились слёзы.

Это были слёзы радости! Неизвестно откуда выкатили бочонок трофейного вина. Разбив верхнюю крышку, котелками, солдатскими кружками черпали вино и поздравляли друг друга, вспоминая своих друзей-однополчан, которые не дожили до этого счастливого дня Победы.

В умелых руках старшего сержанта Жоры Фомушкина заиграл баян. Наш общий любимец, батарейный артист и весельчак Неязов пошёл отплясывать Шамиля. Никто не мог остаться

безучастным. Плясали, пели, танцевали кто как мог вокруг окопов, вокруг пушки-гаубицы.

А «Ура!» между тем всё дальше катилось по фронту могучей волной, сотрясая австрийские Альпы. В воздух взлетали тысячи ракет и не угасали до самого утра 9 мая. На высоких вершинах гор зажгли костры. Это сигналы Победы.

– Пусть их видит весь Мир! – говорили солдаты.

Мы с лейтенантом Ромашко пошли на гору посмотреть, как кончается война. При свете многих тысяч ракет с горы было видно, как наша пехота – царица полей легла цепью впереди. А навстречу шла немецкая пехота... Было видно, что та и другая стороны приблизились друг к другу на несколько десятков метров, остановилась. Вперёд вышли командиры той и другой стороны...

Затем в наших рядах прокатилось громкое, победоносное шестикратное русское: «Ура!», и немцы стали складывать оружие у ног победителей. Так капитулировала вражеская армия на одном из участков третьего Украинского фронта. Утром 9 мая мы вошли в город Грац.